

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЈЕР

Книги
Элиф Шафак

•
Сорок правил любви

•
Честь

•
Ученик архитектора

•
Три дочери Евы

•
10 минут 38 секунд
в этом странном мире

•
Стамбульский бастард

Элиф
Шафак

СОРОК
ПРАВИЛ
ЛЮБВИ

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Пролог

Возьмите камень и бросьте его в реку. Вы можете даже не заметить, как он упадет в воду. В лучшем случае на поверхности появится легкая рябь; возможно, послышится слабый, почти заглушенный бегущим потоком всплеск. Вот и все.

Бросать камень надо в озеро. Результат будет гораздо более наглядным. Покой стоячей воды нарушится. Из того места, куда упадет камень, пойдут волны, и рябь покроет все зеркальное пространство воды. Волны достигнут берега и успокоятся нескоро.

Если камень бросить в реку, то река в своем беспокойном беге даже не обратит на него внимания. Если же камень упадет в озеро, оно уже никогда не будет прежним.

Вся сорокалетняя жизнь Эллы Рубинштейн была похожа на спокойное озеро — предсказуемая, состоящая из привычек, мелких каждодневных потребностей и их удовлетворения. И хотя кому-то это может показаться обыденным и скучным, ей самой такая жизнь не надоедала. В последние двадцать лет все ее желания, все проблемы и их решения, даже ее подруги — все было так или иначе обусловлено ее положением замужней женщины. Ее муж Дэвид, преуспевающий дантист, много работал и хорошо зарабатывал. Миссис Рубинштейн понимала, что связывающие их

чувства не являются безумной страстью, но всегда отдавала себе отчет в том, что этого и ожидать невозможно после долгих лет совместной жизни. Не на страсти держится брак, а на куда более важных вещах — на взаимопонимании, привязанности, жалости, на способности прощать. По сравнению со всем этим любовь отходит на второй план. Страсти хороши только в романах или кинофильмах.

Первое место в списке жизненных приоритетов Эллы занимали ее дети, очаровательная студентка колледжа Дженет и подростки-двойняшки Орли и Ави. Еще в семье жил двенадцатилетний золотистый ретривер Спирит, с которым Элла гуляла по утрам и который многие годы был ее веселым другом. Теперь Спирит постарел, отяжелел, совсем оглох и почти ослеп. Его жизнь шла к концу, однако Элла предпочитала не думать об этом.

Рубинштейны жили в Нортгемптоне, штат Массачусетс, в большом доме эпохи королевы Виктории, требовавшем некоторого косметического ремонта, но все еще красивом. Пять спален, три ванные комнаты, гараж на три машины, огромные окна и — самое замечательное — джакузи в саду. Рубинштейны застраховали свою жизнь, застраховали автомобили, пенсию, банковские сбережения, а еще, помимо дома, в котором жили, фешенебельную квартиру в Бостоне и апартаменты на острове Родос. Все это Элле и Дэвиду досталось не даром. Вместительный, элегантно меблированный дом для большой семьи с ароматом домашних пирогов, возможно, кому-то может показаться делом самым обычным. Но Рубинштейнам так не казалось. Для них все это было символом идеальной жизни. Они построили свой брак на разделяемых

обоими представлениях о совместной жизни и добились исполнения если не всех, то почти всех своих желаний.

В последний Валентинов день Дэвид подарил Элле бриллиантовую подвеску в форме сердечка с карточкой, в которой было написано:

Моей милой Элле — женщине со спокойным характером, щедрым сердцем и святым терпением. Спасибо за то, что принимаешь меня таким, каков я есть. Спасибо за то, что ты — моя жена.

Твой Дэвид

Элла, не признаваясь в этом Дэвиду, прочитала его записку, словно некролог. «Вот так они напишут обо мне, когда я умру», — думала она. Но будь они честными, то прибавили бы еще несколько фраз:

«Элла построила свою жизнь вокруг мужа и детей и поэтому утратила способность выживать в одиночку. Она была не из тех, кто плывет против течения. Даже поменять сорт кофе было для нее поступком едва ли не героическим».

И никто не мог понять, даже сама Элла, почему она в конце 2008 года — после двадцати лет брака — подала на развод.

Причиной была любовь.

Они жили в разных городах. И даже на разных континентах. Их разделяло не только расстояние, они и сами были разными, как день и ночь. Их жизненные принципы были до того непохожими, что казалось, им невозможно не то что полюбить, но даже терпеть присутствие друг друга. Но что случилось, то случилось. И случилось так быстро,

ЭЛИФ ШАФАК

что Элле даже не хватило времени осознать происходящее и защититься, если, конечно, можно защититься от любви.

Любовь буквально ворвалась в сердце Эллы — внезапно и бесцеремонно, как камень, упавший ниоткуда в стоячее озеро ее жизни.

Элла

17 мая 2008 года, Нортгемптон

Солнечным весенним утром за окном кухни всюду распевали птицы. Впоследствии Элла так много раз мысленно реконструировала детали произошедшего, что в конце концов оно перестало быть для нее воспоминанием и она чувствовала, будто все это продолжается.

Радуясь воскресенью и позднему совместному завтраку, все семейство сидело за столом. Муж положил в тарелку жареную куриную ножку. Ави играл ножом и вилкой, а его сестра-близнец Орли считала каждый глоток, чтобы не нарушить диету — 650 калорий в день. Дженет, учившаяся на первом курсе в расположенном неподалеку Колледже Маунт-Холиоук, намазывала хлеб сливочным сыром и, казалось, была погружена в свои мысли. Рядом с ней сидела и тетушка Эстер, которая пришла, чтобы угостить родственников своим знаменитым мраморным тортиком, и осталась с ними позавтракать. У Эллы была намечена масса дел на день, но она не спешила вставать из-за стола. В последнее время не так уж часто выпадал случай всем вместе, по-семейному, посидеть за столом, и Элла считала, что нельзя упускать такой великолепный шанс сплотить семью.

— Эстер, а Элла уже сообщила тебе свою чудово-новость? — неожиданно спросил Дэвид. — Она нашла прекрасную работу.

Хотя Элла имела степень бакалавра по английской литературе и очень любила читать, после колледжа ей не слишком повезло: приходилось довольствоваться редактированием небольших статей для женских журналов, сотрудничеством с многочисленными книжными клубами и изредка написанием рецензий для местных газет. И все. Было время, когда Элла мечтала стать известным критиком, но потом смирилась с тем, что жизнь уготовила ей другой путь, и стала заботливой матерью, погруженной в бесконечные домашние дела.

Будучи матерью троих детей, женой, хозяйкой собаки и домоправительницей, она не знала ни одной спокойной минуты. К счастью, ей не надо было зарабатывать на хлеб. Правда, подруги по Колледжу Смита не одобряли выбор Эллы, но сама она с удовольствием занималась домом и благодарила судьбу за все то, что они с мужем имели. К тому же она продолжала оставаться страстной читательницей.

Однако несколько лет назад жизнь Эллы начала меняться. Дети выросли и ясно давали понять, что больше не нуждаются в постоянной материнской опеке. Обнаружив, что у нее появилось свободное время, Элла подумала, что правильно было бы поискать работу. Дэвид поддержал жену. Правда, несмотря на бесконечные разговоры об этом, она не слишком старалась, да и предложения поступали очень редко. Когда же она все-таки приходила на собеседование, то выяснялось, что потенциальные наниматели предпочитают кого-нибудь помоложе и поопытнее. Обескураженная и немного напуганная отказами, Элла фактически прекратила поиски и пустила это дело на самотек.

Тем не менее в мае 2008 года, за две недели до своего сорокалетия, она вдруг оказалась в литературном агентстве, центральный офис которого располагался в Бостоне. Это муж нашел ей место через одного из своих клиентов или — не исключено — через одну из своих любовниц.

— Ой, да ничего особенного, не о чем и говорить, — рассказывала Элла тетушке Эстер. — Я всего лишь читаю для литературного агента, и то не полный рабочий день.

Однако Дэвид решительно пресек попытку Эллы принизить свою работу.

— Нет, это известное агентство, — настаивал он, пытаясь расшевелить жену, и, не добившись толку, сам стал развивать свою мысль. — Понимаешь, Эстер, это престижная работа. Посмотрели бы вы на других ассистентов! Все они из лучших колледжей. Элла там одна такая, которая много лет просидела дома. А теперь у нее тоже приличное положение!

Интересно, подумала Элла, неужели ее муж в глубине души считает себя виноватым в том, что она не сделала карьеру? Или совесть не дает ему покоя из-за того, что он изменяет ей? Другие объяснения его чрезмерного энтузиазма не приходили ей в голову.

— Это я называю хуцпа¹. Мы гордимся нашей мамой, — улыбаясь, заключил Дэвид.

— Она своего добьется. Всегда была такой, — произнесла тетя Эстер с таким волнением, словно племянница вдруг вышла из-за стола и навсегда покинула своих родных.

¹ *Хуцпа* — наглость, дерзость, напористость (*иврит*).

Все смотрели на Эллу с любовью. Даже Ави не решился на ироничное замечание, да и Орли задумалась о чем-то еще, кроме своей внешности. Элла оценила это, но, как ни странно, ощутила вдруг бесконечную пустоту, какой никогда прежде не знала. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь поменял тему застольной беседы.

Дженет, старшая дочь Эллы, как будто услышала ее, потому что неожиданно вмешалась в разговор:

— У меня тоже есть хорошая новость.

Все повернулись к ней.

— Мы со Скоттом решили пожениться, — объявила Дженет. — О, я знаю, что вы все хотите сказать! Что мы еще слишком молодые, что не закончили колледж и все такое прочее. Но вы должны понять, мы оба чувствуем себя готовыми к перемене в нашей жизни.

Тягостная тишина воцарилась за кухонным столом. Только что объединявшие всех теплота и душевность как испарились. Орли и Ави озадаченно переглянулись, а тетя Эстер замерла, зажав в руке стакан с яблочным соком. Дэвид отложил вилку, как будто вдруг лишился аппетита, и, сощуриив светло-карие глаза так, что в уголках глубоко прорезались морщины-смешинки, уставился на Дженет. Но он не смеялся. Лицо у него сморщилось, как будто он сделал большой глоток уксуса.

— Отлично! Я-то надеялась, что вы порадуетесь за меня, а вместо этого получила холодный душ, — протянула Дженет.

— Ты только что сказала, что собираешься выйти замуж, — произнес Дэвид, словно напоминая дочери ее слова.

— Папа, я знаю, мы немного торопимся, но Скотт вчера сделал мне предложение, и я согласилась.

— Но почему? — спросила Элла.

По тому, как Дженет посмотрела на нее, Элла поняла, что должна была задать совсем другой вопрос.

— Потому что я думаю, что люблю его, — несколько покровительственно ответила Дженет.

— Дорогая, я хотела спросить, к чему такая спешка? — пояснила Элла. — Ты беременна?

Тетя Эстер заерзала на стуле, и всем стало ясно, что она шокирована. Немного погодя она достала из кармана противокислотную таблетку и принялась ее жевать.

— Я стану дядей, — хихикнул Ави.

Элла взяла Дженет за руку и ласково погладила ее.

— Ты можешь сказать нам все. Ты же знаешь, правда? Мы будем рядом, что бы с тобой ни случилось.

— Мама, пожалуйста, хватит, — резко произнесла Дженет, вырывая руку. — Нет никакой беременности. Ты сбиваешь меня с толку.

— Я просто стараюсь тебе помочь, — спокойно отозвалась Элла, хотя это давалось ей с трудом.

— Помочь, обижая меня? Очевидно, ты думаешь, что мы со Скоттом можем пожениться только по одной причине! А тебе не пришло в голову, что я хочу, очень хочу замуж за этого парня, потому что *люблю* его? Уже восемь месяцев, как мы *встречаемся*.

Элла не удержалась от насмешки:

— Ну конечно, целых восемь месяцев! И теперь ты знаешь его как свои пять пальцев. А вот

мы с твоим отцом прожили вместе двадцать лет и все еще не слишком друг друга знаем. Восемь месяцев — ничто для серьезных отношений!

— Бог всего за шесть дней сотворил мир, — вмешался Ави, однако холодные взгляды родственников заставили его замолчать.

Чувствуя нарастающее напряжение, Дэвид не сводил внимательного взгляда со старшей дочери.

— Милая, — нахмурился, заметил он, — мама всего лишь хотела сказать, что встречаться — это одно, а жить в браке — совсем другое.

— Но, папа, ты же не считаешь, что мы можем встречаться вечно?

— Если говорить прямо, — тяжело вздохнув, произнесла Элла, — то нам хотелось бы, чтобы ты нашла кого-нибудь другого. Слишком вы оба еще молоды, чтобы вступать в серьезные отношения.

— Знаешь, мам, что я думаю? — унылым тоном, столь не похожим на ее обычный веселый голосок, спросила Дженет. — Я думаю, ты говоришь о собственных страхах. Однако, если ты вышла замуж совсем юной и родила меня, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас, это не значит, что я повторю твою ошибку.

Элла покраснела так, будто дочь вlepила ей пощечину. До сих пор она не забыла свою тяжелую беременность, закончившуюся преждевременными родами. А потом ребенок потребовал от нее столько энергии и сил, что только через шесть лет Элла снова решилась на беременность.

— Малышка, мы были рады за тебя, когда ты начала встречаться со Скоттом, — осторожно произнес Дэвид, решив поменять тактику. — Он хороший мальчик. Но кто знает, какой ты станешь

через несколько лет, закончив университет? Все может перемениться.

Дженет едва заметно кивнула, мол, она приняла его слова к сведению.

— Это все потому, что Скотт не еврей?

Дэвид закатил глаза, будто не веря словам дочери. Он всегда гордился своими свободными взглядами и тщательно избегал разговоров о расах, религиях, половой принадлежности и тому подобном.

Однако Дженет была неумолима. Повернувшись к матери, она произнесла:

— Посмотри мне прямо в глаза и скажи, что, будь Скотт евреем по имени Аарон, у тебя возникли бы те же самые возражения.

Столько горечи и сарказма звучало в голосе Дженет, что Элла боялась даже подумать о том, что творится в сердце дочери.

— Родная, я буду говорить с тобой честно, даже если тебе это придется не по вкусу. Мне известно, как приятно быть молодой и любить. Поверь мне, я тоже это знаю. Однако большой риск выходить замуж за человека не своего круга. Просто, как твои родители, мы хотим быть уверены, что ты поступаешь правильно.

— Вы полагаете, что поступать правильно для вас — то же самое, что поступать правильно для меня?

Вопрос несколько смутил Эллу. Она вздохнула и потерла рукой лоб, словно у нее начиналась мигрень.

— Мама, я люблю его. Для тебя это что-то значит? Ты еще не забыла слово «любовь»? Стоит мне увидеть Скотта, и у меня сердце бьется быстрее. Я не могу без него жить.

Элла непроизвольно хмыкнула, хотя вовсе не собиралась смеяться над чувствами дочери. По непонятным для нее самой причинам она ужасно нервничала. Ссоры с Дженет у нее бывали и прежде, причем неоднократно, но сегодня у Эллы появилось ощущение, что она столкнулась с чем-то более серьезным, чем обычно, с чем-то ей до сих пор незнакомым.

— Мама, а ты сама когда-нибудь была влюблена? — спросила Дженет, и в ее тоне ясно прозвучал унизительный намек.

— Да перестань ты! Хватит витать в облаках и вернись на землю. Ты слишком... — Элла выглянула в окно как бы в поисках подходящего слова. — Ты слишком романтична, — в конце концов нашла она.

— И что в этом плохого? — обиженно переспросила Дженет.

«И в самом деле, что плохого в том, чтобы быть романтичной? — мысленно согласилась с дочерью Элла. — С чего это вдруг меня стало это раздражать?» Не в силах ответить на возникшие в голове вопросы, Элла продолжала гнуть свое:

— Послушай, милая, ты в каком веке живешь? Вбей в свою юную головку, что женщины не выходят замуж за мужчин, которых они любят. Когда приходит время, они выбирают мужчин, которые будут хорошими отцами и надежными партнерами по жизни. Любовь — приятное чувство, но оно приходит и уходит.

Закончив говорить, Элла повернулась к мужу. Медленно, как будто он находился в воде, Дэвид сцепил пальцы и стал смотреть на жену так, словно никогда прежде ее не видел.